

§ 26. СМОТЯЩИЙ ДА УВИДИТ, ИЛИ «ОБОЖЕНИЕ» ВИЗУАЛЬНОЙ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ

Когда мы рассматриваем картину, то поддаемся «визуальным соблазнам», предложенным на холсте. Но при этом с обратной стороны — той, что повернута к стене и скрывается от нас, — висит черный и безобразный «форзац». За каждым образом, окружающим человека в его повседневной жизни, многие из которых «агрессивно набрасываются» и назойливо повторяются, висит ничто, пустота.

В этом параграфе предлагается рассмотреть феномен современных визуальных образов, ориентируясь на трактовку образов в религиозно-мистической философской традиции.

В контексте этой традиции понятия образов и видений соотносятся с познанием и пониманием. У святого Хуана де ла Круса (Иоанна Креста): «Понимание душевное мы также называем зрением души. <...> Ведь, как уже сказали, понимать значит видеть»¹. У Сведенборга: «В Слове также понимается под именем Сущность вещи, и под словом *видеть и называть* — познание качества»². Истинно смотрит и видит тот,

---

¹ Иоанн Креста. Восхождение на гору Кармель. Глава 23, п. 2. URL: http://samlib.ru/n/nezwanow_a_s/subidajuandelacrus.shtml (дата обращения: 14.12.2014).

² Сведенборг Э. Тайны неба. Киев: Пор-Рояль, 1993. С. 62.

кто познает или уже знает вещь, на которую смотрит. Ангелы у Сведенборга видят не так, как люди: сущность им доступна сразу, они «исходно» видят, где добро и зло. Люди плотские видят сначала внешнюю оболочку и лишь потом добираются до сущности или смысла.

Видение, таким образом, следует назвать разумным смотрением. Задача агрессивных образов — достучаться до человека. Он пропускает их мимо до тех пор, пока не решит задуматься над тем, что ему показано или предложено к показыванию. Пропускание мимо лежит в основе отношения смотрящего к агрессии образа. До тех пор, пока он *не видит* картинку, она ему не доступна — даже если находится прямо перед глазами. Одновременно с этим человек становится беззащитным и открытым в тот момент, когда начинает картинку понимать, «вникать».

Следует провести условное различие образов на агрессивные и пассивные. К последним отнесем все, что окружает человека: автомобили, другие люди, дома и так далее. Под первыми же понимаются такие образы, которые не просто окружают, но и «видятся», *бросаются в глаза*: таковы рекламные щиты, объявления, афиши, интернет-сайты, поскольку, заходя на тот или иной сайт, человек никогда не может быть уверен, что он там увидит. Неожиданность, броскость, внезапность — отличительные свойства агрессивных образов. Конечно, главный их реципиент — городской житель.

Итак, как можно пропускать мимо ушей, так же возможно — мимо глаз. Обычно человеку требуется смотреть, когда он что-то делает или идет: нужно видеть свое дело и дорогу. Смотреть по сторонам — значит уже отвлекаться и ни о чем не думать, но в то же время — быть открытым для чего-то другого. Что-то можно пропускать мимо, пока ты занят (делом или мыслью), но как только свободен — блуждающий взгляд всегда наткнется на что-нибудь подходящее.

Упоминавшийся ранее Хуан де ла Крус к любым видениям (особенно представленным в виде чувственных образов) относился скептически и с опаской. Даже если они идут от Бога, говорит святой, они не угодны ему, ибо тогда приходится ему опускаться до чувственного уровня восприятия человека. Даже духовные образы могут быть опасны. Человеку нельзя в них увязать, а следует двигаться дальше при восхождении к Богу. Все образы должно оставить к концу. Быть восприимчивым к визуальному — значит находиться еще внизу, вдали от Бога. Образы стелются по земле и удерживают смотрящего на них. Поэтому заблудиться среди агрессивных образов представляется наиболее опасным.

Но действительно ли видит человек большую часть тех агрессивных образов, которые ему предлагает мегаполис? Если вспомнить, что смотреть — значит познавать, то окажется, что как раз смысл показанного ускользает от человека. Есть ли у этих образов смысл, который они выказывают? Нет: они — носители информации, а смысл, видимо, стоит искать во всей совокупности образов, анализируя их как, например, социокультурное явление.

Информацию, значит, можно не видеть, чтобы допускать в себя. Ее довольно *видеть краем глаза*. Наиболее агрессивным образ — «поставщик» информации — становится именно тогда, когда его не нужно видеть. Когда он приспособливается к тому, что его пропускают мимо и начинает существовать и информировать *в или из этого мимо*.

Загрязняют ли визуальный горизонт городского жителя образы, пропущенные и вместе с тем *допущенные в мимо*? Другими словами, «остаются» ли они в его памяти и оказывают ли влияние, что называется, исподволь? Для этого надо задаться вопросом, что именно попадает в *мимо*?

Тогда открывается трехчастная область смысла, информации и бессмыслицы. В какой из них помещаются агрессивные

образы? Они неосознанны в том смысле, что человек, догадываясь об их присутствии, все же не замечает их. Если усмотреть смысл, увидеть информацию и просмотреть бессмыслицу так или иначе относится к зрению, а агрессия образа, как было сказано, проникает в *мимо*, то скорее они окажутся в области бессмыслицы, истолкованной как «пустое» место, на которое не обращают внимания, но которое тем не менее есть и всякий раз проносится мимо в бросании взгляда.

Говорят, пустым не бывает святое место. И образы метят именно туда. В трактате «О видении Бога» Николай Кузанский предлагает монахам-бенедиктинцам правильно созерцать Иисуса Христа. Вот что он пишет об иконе со «всевидящим ликом»: «Прежде всего вас должно будет удивить, как это может быть, что взгляд обращен на всех и на каждого...»¹. От живописного приема Кузанский переходит к идее «абсолютного зрения», а затем — к безграничному зрению Бога. Внушаемое иконой чувство, будто лик смотрит на тебя одного и словно бы следит за тобой, напоминает впечатление, которое производят агрессивные образы. Читая далее, можно заметить еще больше совпадений: «Взгляд иконы одинаково следит за тобой отовсюду, не оставляя тебя, куда бы ты ни пошел, и в тебе пробуждается раздумье, приходят неожиданные мысли...»². «Ты не оставляешь меня, Господи, ты повсюду хранишь меня, тщательнейше заботясь обо мне; <...> я постольку есть, поскольку ты со мной. Но Твое бытие есть твой взгляд, и поэтому я существую, поскольку Ты на меня смотришь, а если отвернешься от меня, мое существование сразу прекратится»³. Так связываются два взгляда, один из которых существует, только если на него уже направлен другой.

¹ Кузанский Н. Игра в шар. О видении Бога. М.: Академический Проект, 2012. С. 95.

² Там же. С. 98.

³ Там же. С. 99.

Проблема агрессивности визуальной среды возникает именно тогда, когда человек ощущает на себе взгляд, который приходит к нему как бы из ниоткуда. Он пробегает мимо, «бросаясь в глаза», *мимоходом* предлагая заботу, участие, помощь, развлечение и так далее и тут же скрываясь. Человек закрывает на это глаза — отказывается понимать, чего от него хотят эти всевидящие, наблюдающие глаза. Образы смотрят на зрителя, а не наоборот.

Способность вместить Бога зависит от человека, то есть от его свободной воли. Так и образы, формирующие окружающий визуальный ландшафт, якобы оставляют человеку выбор. Говорят, «данная реклама (видеоролик, программа, слоган и т. п.) имеет свою целевую аудиторию», но при этом встретить этот образ рискует каждый, независимо от того, к какой аудитории себя причисляет. В итоге, как не раз отмечалось (например, у Мишеля Фуко), то, что призвано защищать (по крайней мере, позиционирует себя таковым), оберегать или в целом сделать жизнь лучше, оборачивается другой стороной — агрессивной. Под гнетом визуальной опеки человек начинает чувствовать себя «неуютно», ему «нервозно», появляется антиреакция на все, что ему предлагают, без разбора. Камеры слежения, устанавливающиеся во все большем количестве на улицах и в помещениях города, являются всего лишь дополнением к визуальной агрессии образов.

Видеонаблюдение — это, так сказать, прибавочный *этический* элемент всевидящих глаз образов. Камеры, в отличие от броских картинок, совсем безобразны и даже безобразны. Но в этом их предназначение — быть на виду, но не бросаться в глаза: пусть люди проходят мимо, отворачиваются от нас, мы существуем не в их взглядах, но они существуют благодаря нам. Ведь камеры слежения установлены с одной целью — обеспечить безопасность жителей. Наблюдая, они словно решают нравственные задачи — позволяют установить, где добро, а где

зло (одна только видеозапись может стать решающей в суде).

Поэтому визуальные образы выполняют различные функции: потребление картинок голодным взглядом насыщает человека необходимым ему ощущением, что о нем заботятся, его видят и о нем постоянно думают. С другой стороны, скрытой добавкой к их благодатному дару оказываются видеокамеры, реализующие наблюдение за добропорядочностью граждан.

Таким образом, аналогия со святым местом не представляется случайной: не в него ли метят визуальные агрессоры прямо из своей пустоты — из своего *мимо*, из которого они так смиренно управляют органами чувств человека, запутывая его в обилии образов. В этом богатстве красок смотрящий забывает, что с обратной стороны картины по-прежнему ничего нет, а поиски Бога творятся выше.